

Российская академия наук
Институт экономики

Г.В. Анисимова
М.И. Воейков

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
РАВЕНСТВА И НЕРАВЕНСТВА**

Москва
Институт экономики
2016

Анисимова Г.В., Воейков М.И. Политическая экономия равенства и неравенства: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. – 47 с.

ISBN 978-5-9940-0580-4

В докладе обобщены научные подходы к анализу взаимосвязи экономического неравенства и экономического развития. Показано, что для постсоветской России характерно необоснованное увеличение экономического неравенства на фоне роста численности бедных, замедления роста реальных доходов населения и ВВП, что вызвано отсутствием согласованности приоритетов и тактики экономических преобразований с приоритетами и темпами проведения социальных реформ. Обосновано, что при формировании экономической политики необходимо развивать основы социального государства с приведением экономического неравенства к оптимальному уровню.

При подготовке доклада использованы некоторые материалы исследования, поддержанного грантом РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Экономическое неравенство и экономический рост в российской экономике и обществе: социально-экономические тенденции, статистические измерения, концепция регулирования» (№14-02-00325).

Ключевые слова: неравенство, экономическая политика, экономическое развитие.
Классификация JEL: D63, E20, E25, E64, I30, O15.

Anisimova G., Voeikov M. The political economy of equality and inequality.

The paper summarizes the scientific approaches to the analysis of the relationship of economic inequality and economic development. It is shown that post-Soviet Russia is characterized by an unjustified increase in economic inequality against the background of growth in the number of poor, slow the growth of real incomes of population and GDP, which is caused by the lack of coherence of priorities and tactics of economic reforms with the priorities and pace of social reform. It is proved that the formation of economic policy is necessary to develop the foundations of the welfare state with reduction of economic inequality to the optimum level.

Keywords: inequality, economic policy, economic development.
JEL Classification: D63, E20, E25, E64, I30, O15.

© Анисимова Г.В., Воейков М.И., 2016
© Институт экономики РАН, 2016
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. К истории вопроса.....	8
Глава II. Методологические аспекты.....	11
Глава III. Российские тренды	16
Глава IV. Неравенство, сбережения и инвестиции	26
Глава V. Экономическая политика	33
Глава VI. Пределы неравенства доходов и перераспределительная политика.....	41
Литература	45

Введение

Еще в 1873 году великий английский экономист Альфред Маршалл в докладе «Будущее трудящихся классов», прочитанном в Кембриджском клубе реформ, поставил следующий вопрос, могут ли все в равной мере быть богатыми, здоровыми и образованными. Иными словами, может ли быть достигнуто социально-экономическое равенство в обществе? Он сказал буквально следующее: «Вопрос не в том, будут ли в конечном счете все люди равными — ибо наверняка не будут, — а в том, не может ли прогресс продолжаться неуклонно, пусть даже и медленно, до тех пор, пока каждый человек, по крайней мере по роду занятий, не станет джентльменом. Я думаю, что это возможно и что так оно и будет»¹. Вопрос этот капитальный для всей социальной науки; уже несколько столетий крупнейшие ее представители обсуждают именно этот вопрос. И касается он возможности материального обеспечения всех людей на таком уровне, который достаточен для благополучной, комфортабельной и здоровой жизни.

В принципе, можно согласиться с А. Маршаллом — все люди достойны благополучной жизни в равной мере. И это, видимо, когда-нибудь будет. По крайней мере, дело идет именно к этому. Или просто в это хотелось бы верить. Таким образом, на повестку дня выходит вопрос экономического равенства людей. Конечно, физически люди не могут быть равными по многим основаниям. Еще Ж.-Ж. Руссо писал, что физическое неравенство «установлено природой и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств». И ликвидировать это неравенство невозможно, тут нет вопроса. Или как писал дальше Руссо, «он не возникает перед людьми разумными и свободными, которые ищут истину»². Таким образом, речь идет

1. *Marshall A. The Future of the Working Classes. P. 3.* (Цит. по: *Маршалл Т.Х. Избранные очерки по социологии. Сб. переводов. М.: ИНИОН, 2006. С. 75.*

2. *Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 45.*

о равенстве в обществе как социально-экономическом равенстве. Первый шаг в этом направлении был сделан буржуазным обществом, которое положило конец наследственным привилегиям и сделало всех людей равными перед законом. Но экономическое неравенство при этом не было ликвидировано, а в ряде случаев даже увеличилось.

Понятно, что полного экономического равенства между людьми в настоящих условиях быть не может. Люди работают по-разному и получают различный экономический результат. И было бы несправедливо всех экономически уравнивать. Но есть ли предел этого неравенства, имеется ли его разумная граница? Более того, экономическое неравенство способствует экономическому прогрессу (экономическому росту) или тормозит его? Эти вопросы активно обсуждаются в литературе уже не одно столетие.

Есть два подхода к решению проблемы неравенства. Первый, назовем его экономический, состоит в том, что определяется влияние неравенства на экономический рост. И показывается, что есть периоды, когда увеличение неравенства усиливает экономический рост, а есть периоды, когда слишком большое неравенство начинает тормозить экономический рост. Есть и второй путь поиска оптимальной меры неравенства, назовем его социальным. Согласно ему, благоустроенное общество должно характеризоваться минимальным экономическим неравенством. Таковы, например, северные страны Европы, которые называют социальными государствами, или страны с социальным рыночным хозяйством. Коэффициент Джини, равный 0,30 и меньше, характерен именно для стран с социальным рыночным хозяйством, тогда как для таких стран, как США, Китай, Россия, Индия, он превышает 0,40, и даже 0,50. В европейских странах проводится осознанная политика создания и поддержания социального государства. При этом обращается внимание прежде всего на внутрикорпоративное неравенство доходов. Известно, что высший менеджмент предприятий и организаций использует любую возможность для увеличения личных доходов. Это ведет, в конце концов, к падению материальных стимулов трудовой деятельности, проявлению внутрикорпоративных конфликтов.

Итак, экономическое неравенство сегодня является одной из самых актуальных проблем как экономической политики, так и экономической науки. Нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в недавней своей книге прямо пишет: «Неравенство есть причины и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы». Или в другом месте: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость»³. Неравенство назвал фундаментальным противоречием капитализма Т. Пикетти в недавно переведенной на русский язык книге «Капитал в XXI веке»: «Неравенство... означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие»⁴. Таким образом, для мировой экономической литературы проблема неравенства за последние годы вышла, пожалуй, на первое место. Эта проблема актуальна и для современной России, хотя в отечественной научной литературе и экономической практике ей уделяется значительно меньшее внимание.

Говоря о политической экономии надо признать, что сегодня проблема экономического неравенства заняла центральное место в этой науке как в свое время проблема классов и распределения богатства занимала аналогичное место в классической политэкономии. Обоснование пределов неравенства доходов и экономических благ является одним из самых сложных и социально конфликтных вопросов современной экономической теории. Экономическая неравномерность или неравенство в распределении национального дохода или национального богатства относится к числу важнейших экономических характеристик, тесно связанных с экономическим ростом и влияющих на него. Исследованию проблемы взаимосвязи экономического роста и неравенства посвящено немало публикаций теоретического и эмпирического характера, в которых исследуются два взаимосвя-

3. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. С. 36, 38.

4. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 585.

занных аспекта: влияние экономического роста на распределение доходов и, наоборот, – влияние неравенства на экономический рост⁵.

5. См. подробнее: *Анисимова Г.В.* Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // TERRA ECONOMICUS, 2016. Т. 14. № 1. С. 61–77.

К истории вопроса

Одним из первых в мировой научной литературе проблеме влияния экономического роста на неравномерность распределения обозначил нобелевский лауреат по экономике (1971) Саймон Кузнец. Содержательная интерпретация эмпирического анализа долгосрочных тенденций распределения национального дохода в странах, находящихся на разных уровнях развития (Индия, Шри-Ланка, Пуэрто-Рико, Великобритания и США), легла в основу его гипотезы, согласно которой на ранних стадиях экономического роста неравенство в распределении доходов увеличивается, потом по мере экономического развития (в процессе «капиталистической модернизации») стабилизируется и, наконец, по достижении экономикой определенного уровня начинает сокращаться⁶. Это положение получило в экономической литературе название «обратная U-образная кривая» (*inverted U-shaped curve*), кривая Кузнеца (*Kuznets curve*) перевернутой U-формы. Кузнец рассматривал эту связь именно как изменение в распределении доходов, вызываемое экономическим ростом, как его следствие.

Исходной позицией сравнительного анализа тенденций внутристранового неравенства распределения явилось представление национального дохода как суммы доходов всех видов, полученных населением. При этом анализ опирался на данные налоговых деклараций, поэтому была рассмотрена динамика доли верхней доходной группы населения, т.к. по ней в распоряжении Кузнеца имелась статистика налоговых поступлений с 1919 г. Кузнец обнаружил, что в XIX в. рост неравенства доходов проявлялся во всех европейских странах, проходивших стадию индустриализации. Причем самым заметным рост неравенства был в Англии. Наивысшей точки кривая дифференциации доходов в странах Европы достигла на рубеже XIX–XX вв. В период с 1920-х по 1950-е годы в западных

6. *Kuznets S. Economic growth and Income inequality // The American Economic Review, 1955. Vol. XLV. No. 1. P. 4.*

странах произошло заметное выравнивание доходов населения. На этом основании Кузнец сделал вывод о том, что, если сравнивать начало XX в. и период после Второй мировой войны, неравенство в распределении доходов резко сократилось. Так, он показал, что за десятилетний период доля доходов 5% наиболее обеспеченного населения сократилась с 23,7% в 1939 г. до 17,8% в 1948 г.⁷

Подразумевается, что кривая Кузнецца описывает следующую последовательность событий: на ранних стадиях экономического развития инвестиционные возможности владельцев капитала множатся, а рост заработной платы трудящихся сдерживается притоком дешевой рабочей силы из села в город. В результате по мере индустриализации растет неравенство: возникает элита, которую составляют состоятельные промышленники и предприниматели вообще, а доходы рядовых работников остаются по-прежнему низкими или увеличиваются незначительно. Однако затем капитала становится много, прибыли стабилизируются или даже падают, приток наемных работников из села иссякает, и их заработная плата начинает расти. Экономическое неравенство снижается, в экономике и обществе начинает формироваться и доминировать средний класс.

В попытке объяснить свои выводы, Кузнец выделил два фактора, которые приводят к увеличению неравенства в течение первого этапа экономического развития. Первый фактор связан с концентрацией сбережений в верхней доходной группе. Вторым фактором — изменение структуры экономики. Эта модель предполагает, что экономика может быть разделена на два сектора с различным отраслевым распределением доходов, что влечет перелив рабочей силы из отсталого аграрного сектора в современный городской сектор. При этом С. Кузнец оставлял открытым вопрос, к улучшению какого из традиционных факторов производства (капитала или рабочей силы) следует относить процессы, которые рассматривались им в качестве основных источников современного экономического роста: развитие науки и образования, а также накопление технологически применимых знаний⁸.

7. *Kuznets S. Shares of Upper Income Groups in Income and Savings.* New York: National Bureau of Economic Research. 1953. P. 45–58.

8. *Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread.* New Haven and London: Yale University Press. 1966. P. 81–82, 183–185, 228–229, 286–293.

Детально проанализировав данные о динамике национального дохода за длительный период и стремясь минимизировать возможные ошибки в подсчетах, С. Кузнец уделял большое внимание выяснению источников ошибок при сравнительном анализе экономики стран с различным уровнем экономического развития. Он подчеркивал, что в его статье «примерно 5% эмпирической информации и 95% – гипотетической. Оправданием для построения сложной модели на достаточно зыбком фундаменте служит глубокий интерес к поставленной проблеме...Тема занимает центральное место в экономических исследованиях и размышлениях; наши знания о ней недостаточны; дальнейшее обобщение сможет направить наши исследования в продуктивное направление; гипотеза может принести больше пользы, чем вреда, являясь эффективным способом представления общего взгляда на область исследования, а не набором полностью доказанных выводов»⁹. Таким образом, подчеркнем, что гипотеза Кузнеця, по его собственному признанию, только на 5% подтверждается эмпирическим анализом.

9. *Kuznets S. Economic growth and Income inequality // The American Economic Review, 1955. Vol. XLV. No. 1. P. 26.*

Методологические аспекты

Гипотеза С. Кузнецца вдохновила многочисленные исследования исторической динамики неравенства в распределении доходов. Это важная междисциплинарная проблема, имеющая экономические, социологические и политологические аспекты, по поводу которой до сих пор ведутся оживленные дискуссии. Ее изучение повлекло за собой целую цепочку взаимосвязанных вопросов о социальных и экономических аспектах процесса индустриализации в разных странах, соотношении общего и особенного в этом процессе.

В середине XX в. господствовало представление о существовании некоего естественного цикла экономического неравенства, движимого силами рынка, и гипотеза Кузнецца считалась неоспоримой. Ее научную правоту отстаивали Р. Барро, Ф. Боргуньон, Р. Перотти, С. Робинсон и др. Подтверждение этой гипотезы показали отдельные эмпирические проверки, проводившиеся зарубежными исследователями на материалах различных выборок по развивающимся и развитым странам¹⁰.

Между тем масса исторических примеров свидетельствует о том, что процесс куда более сложен. В ряде более поздних зарубежных исследований учёные приходят к выводу, что гипотезу С. Кузнецца следует, скорее, отклонить: экономический рост может сопровождаться снижением, увеличением или консервацией неравенства¹¹. Исследователи отмечают примеры, когда увеличение неравенства происходило на фоне не роста, а падения, — в странах

10. См.: *Ahluwalia M.* Inequality, poverty and development // *Journal of Development Economics*, 1976. Vol. 3 (4). P. 307–342; *Williamson J.G., Lindert P.H.* American Inequality: A Macroeconomic History. New York: Academic Press. 1980.

11. См.: *Milanovic B.* Determinants of Cross-Country Income Inequality. An «Augmented» Kuznets Hypothesis. Washington, DC: The World Bank Policy Research Working Paper. 1994. No. 1246. January; *Deininger K., Squire L.* A New Data Set Measuring Income Inequality. *The World Bank Economic Review*, 1996. Vol. 10, No. 3. P. 565–591.

Восточной Европы и Центральной Азии в период 1985–1995 гг.¹², а также примеры негативного влияния неравенства на экономический рост¹³.

Имеются свидетельства и того, что кривая Кузнеца верна лишь по отношению к нормальному, но не избыточному неравенству¹⁴. Похожий подход к определению неравенства имеется и в российской литературе. В работах А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты упор делается на различии нормального и избыточного неравенства. «Ключом к решению этой проблемы, — пишут они, — является подразделение общего неравенства на *нормальное неравенство*, характеризующее распределение доходов среди слоев населения, активно вовлеченных в экономические процессы, и *избыточное неравенство*, обусловленное низкими доходами тех слоев населения, которые не оказывают существенного влияния на макроэкономические изменения... Это — бедные или просто малообеспеченные слои населения, которые живут за счет социальных трансфертов и домашнего производства либо заняты в секторах экономики, находящиеся в условиях депрессии или зависящих от государственного финансирования, которое в сложившихся условиях оказывается недостаточным»¹⁵.

При этом избыточное неравенство отражает неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни не только группам населения, нуждающимся в социальной поддержке, но и значительной массе добросовестных трудящихся, находящихся по доходам на границе или даже ниже необходимого прожиточного уровня. А таких в современной России насчитывается миллионы людей. Нормальное неравенство непосредственно связано с объективной ситуацией в экономике, тогда как избыточное зависит от господствующей экономической системы общества, соответствующей экономической политики и других

12. Adams R.H. Economic Growth, Inequality and Poverty: Finding from a New Data Set. Washington, DC: The World Bank Policy Research Working Paper. 2003. No. 2972. February.

13. Bigsten A., Levin J. Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review. Helsinki: World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). 2001.

14. Bohman J. Public Deliberation: Pluralism, Complexity and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press. 1996.

15. Шевяков А., Кирута А. Измерение экономического неравенства. М.: Лето. 2002. С. 66–67.

институциональных условий. Однако недостатком такого подхода является определение уровня бедности и, соответственно, избыточного неравенства только как статистической категории.

В экономической науке существуют разные точки зрения на взаимосвязь экономического неравенства и экономического развития. Большинство ученых сходятся на том, что чрезмерная дифференциация населения страны по уровню материального благосостояния, в конечном счете, негативно сказывается на экономическом развитии. В праволиберальной экономической концепции, наоборот, утверждается, что высокий уровень экономического неравенства ведет к ускорению экономического роста. Так, Л. Мизес писал: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление»¹⁶. Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а следовательно, и инвестиций в развитие экономики. «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает». И еще: «Даже тот, кто смотрит на неравенство богатства и доходов как на факт, достойный сожаления, не может отрицать, что он стимулирует прогрессирующее накопление капитала. А именно дополнительное накопление капитала только и является причиной совершенствования технологий, повышения ставок заработной платы и более высокого уровня жизни»¹⁷.

Конечно, нельзя отказать в логике такого рода рассуждений. В концепции экономического либерализма неравенство индивидов есть ключевой инструмент экономического роста: чем больше неравенство, тем быстрее экономический рост. Высокодоходный, богатый человек имеет возможность делать сбережения, которые затем перетекают в инвестиции. Если все люди примерно экономически равны и не очень богаты, то сбережения минимальны и нет допол-

16. Мизес Л. Либерализм. М.: ООО «Социум», ЗАО «Изд-во Экономика», 2001. С. 35.

17. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика. 2000.

нительного источника для инвестиций. А нет инвестиций — нет экономического роста. Причем, чем больше богатства концентрируется у немногих, тем больше сбережения и, следовательно, инвестиции. Кроме того, низкодоходный человек смотрит на высокодоходного и старается достичь его материального и социального статуса, что всему обществу придает социальную динамику. Перераспределение же доходов в пользу бедных слоев населения породит только больше нищеты, мотивируя низшие слои не работать. Такова логика экономического либерализма в данном вопросе.

Другая группа исследователей считают равным счетом наоборот. По мнению чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга, «проповедь неравенства стала материальной силой, которая, отвергая перераспределительную политику, размывает основу общества — демократию и средний класс...»¹⁸. Как отмечает американский исследователь Дэни Дорлинг: «Рынки начинают разваливаться, как только некоторые его участники получают больший стартовый капитал, чем остальные, или в процессе накапливают больше средств. Чем менее равны условия на рынке, тем менее эффективен он будет». И далее: «Рынки неэффективны там, где некоторые люди богаты, а большинство бедно»¹⁹. Есть и более радикальное мнение. По мнению доктора Рудольфа Трауб-Мерца, руководителя Фонда им. Фридриха Эберта в России, именно «сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста»²⁰. Или приведем мнение лауреата Нобелевской премии по экономике (2015 г.) А. Дитона, который считает, что «гротескное увеличение разрыва в неравенстве, происходящее в течение последних 30 лет, подорвет экономический рост. Когда рост не распределен равномерно, а только небольшая горстка людей становится баснословно богатой, тогда власть богатых представляет собой риск для благополучия всех остальных»²¹.

18. Гринберг Р. Свобода и справедливость должны не исключать, а дополнять друг друга // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014. С. 39.

19. Дорлинг Д. Равенство. М.: Книжный Клуб Книговек. 2014. С. 182, 183.

20. Трауб-Мерц Р. Неравенство и выход из экономического кризиса // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014. С. 39. С. 14.

21. Дитон А. Через тьму к светлому будущему // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. Под ред. И. Паласиоса-Уэрты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 78.

Основной аргумент этой позиции состоит в том, что наличие большого слоя бедных и низкодоходных людей является сдерживающим фактором для увеличения потребительского спроса. А низкий внутренний спрос, как известно, сдерживает экономический рост. Как показывают многие эмпирические исследования, для богатых стран (особенно Северной Европы) характерно умеренное экономическое неравенство, в то время как бедные страны характеризуются высокой степенью неравенства. Исключение составляют США, где коэффициент Джини превышает 0,4, что характерно для среднеразвитых стран, собственно, как и в России (в 2015 г. он равнялся 0,412). Итак, имеются различные точки зрения на проблему соотношения социально-экономического неравенства и экономического роста.

Российские тренды

Теперь обратимся к эмпирическим исследованиям неравенства в России. В советский период официальная идеология провозглашала тезис о социальной однородности и равенстве всех членов социалистического общества. И примерно с 1970-х гг. началось планомерное уменьшение дифференциации в уровне жизни советских людей, и прежде всего — снижение дифференциации по зарплате.

Статистические данные свидетельствуют о стабильном и весьма незначительном расслоении советского общества по уровню доходов. За период с 1950 по 1985 г. на фоне устойчивой тенденции роста среднемесячной заработной платы (у работников промышленности она возросла с 70,8 до 210,6 руб., т.е. почти на 200%) произошло значительное сокращение численности низкооплачиваемых работников. Если в 1956 г. зарплатки менее 80 руб. получала основная часть работающего населения (70,3%), то спустя 30 лет — менее 5%, т.е. численность малообеспеченных работников сократилась почти в 15 раз. Но еще интенсивнее возросла доля высокооплачиваемых работников (в 23 раза)²². При этом основная масса трудящихся передвинулась в зону средних доходов. Отчетливо складывались тенденции развития социального государства. Советское государство вполне можно назвать социальным, ибо подоходная дифференциация населения была весьма незначительной. Децильный коэффициент (который рассчитывается как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в Скандинавских странах.

Вместе с тем темпы роста заработной платы различных категорий работников были неодинаковы. Более быстрыми темпами возрастала зарплата промышленно-производственных рабочих. Динамика заработной платы ИТР и служащих характеризовалась

22. Труд в СССР. Стат. сборник. М.: Финансыстатистика, 1988. С. 146.

более низкими темпами роста, что привело к значительному сближению уровней оплаты труда указанных категорий работников. Так, если в 1940-е годы заработная плата инженерно-технических работников была выше заработка рабочего более чем на 100% (т.е. превышение составляло больше 2-х раз), то в середине 1980-х годов – всего на 10,2%. Таким образом, социальное государство стало перерастать в уравнительное государство²³. К концу советского периода дифференциация по зарплате настолько снизилась, что некоторые специалисты заговорили об опасных тенденциях уравниловки.

Так, известный советский экономист в области проблем дифференциации зарплаты Н.Е. Рабкина в последней своей книге, давая профессиональный анализ причин неуспеха экономических реформ 1990-х гг., вполне справедливо писала о причинах экономического застоя и развала советской экономики. По мнению Н.Е. Рабкиной, одна из главных причин состояла в тенденции к уравниловке в оплате труда. Эта, пишет Н.Е. Рабкина, «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы стала проводиться Госкомтрудом с конца 1950-х годов и «под корень подрубила экономические стимулы». Автор считает, что до конца 1960-х годов экономика была еще «на краю воронки», как она образно пишет, и можно было еще вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено, и события вышли из-под контроля»²⁴. Таким образом, уравниловка также может иметь весьма негативные последствия для развития экономики, что и показала советская практика послевоенного периода.

В конце XX в., когда разрушалась советская система, многие граждане полагали, что приходит пора справедливости. Будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей уравнилительной системе. Однако, как показывает практика, прошедшие более двадцати лет преобразований не создали общество социальной справедливости. С 1990-х гг. в России появились новые тренды. Четко выраженной тенденцией, сформирова-

23. См. подробнее: *Соболев Э.Н.* Социально-трудовые отношения в России: история, современное состояние, перспективы. М.: ИЭ РАН, 2008.

24. *Рабкина Н.Е.* Избранные труды по макроэкономике. М.: ООО «Эребус», 2000. С. 151.

ровавшейся в постсоветский период, является устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения.

Коэффициент фондов (коэффициента дифференциации доходов), характеризующий степень социального расслоения и являющийся наиболее чувствительным показателем, позволяет наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения — бедных и богатых. Как показывает его динамика, соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% или 20% населения с самыми высокими доходами и 10% или 20% населения с самыми низкими доходами стремительно увеличивается (рис. 1). За период 1992–2015 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в два раза. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2016 г. — уже более, чем в 15,6 раз.

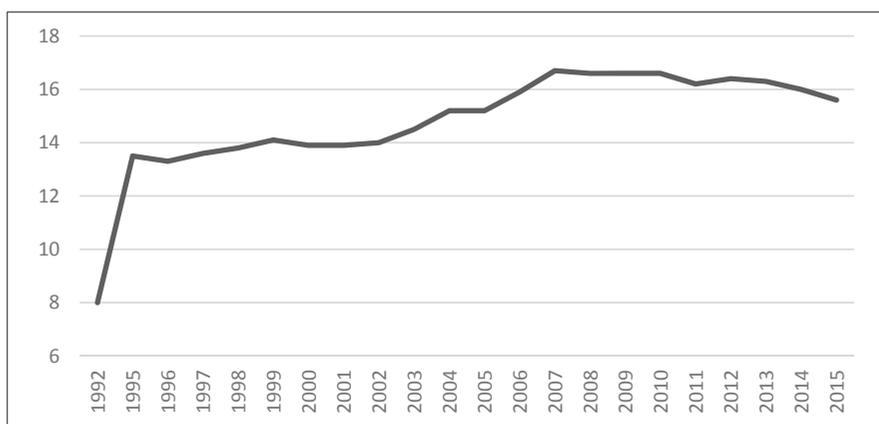

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2002. С. 130; Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#) — дата обновления 11.05.2016.

В современной России чрезмерное неравенство населения по материальному уровню благосостояния является одной из главных социальных проблем. Согласно принятой в мировой практике оценке, если соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения превышает 10:1, то страна находится в зоне

социальной нестабильности²⁵. Таким образом, в настоящее время в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства.

Отметим особо, что анализируемая динамика показателей дифференциации доходов исчислена на основе данных официальной российской статистики. Однако официально рассчитываемый коэффициент фондов существенно занижает (не менее, чем в два раза) реальную дифференциацию доходов населения по нескольким причинам:

- коэффициент фондов официально рассчитывается по информации бюджетной статистики. А любое обследование домашних хозяйств не включает маргинальные слои, доля которых сегодня, по оценкам социологов, достигает 7–10% населения. Также в сеть обследования не попадают доходы сверхбогатых (примерно 5%). Таким образом, бюджетная статистика описывает уровень жизни только 80–85% населения страны;

- при расчете коэффициента фондов учитывается лишь величина официально зарегистрированных доходов, без учета теневых выплат (по различным оценкам, около 30–40% финансовых средств), сосредоточенных в основном в руках наиболее обеспеченных слоев населения.

Однако, даже опираясь на официально публикуемые данные, можно сделать вывод о существенном социально-экономическом расслоении российского общества. Постсоветский период характеризуется ростом концентрации доходов в руках богатых. Об этом свидетельствует динамика коэффициента Джини. В России за период 1992–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,289 до 0,412. Наиболее богатые 20% населения концентрируют почти половину доходов всего населения.

Поляризация доходов населения и социальный разлом общества является наиболее опасным социально-экономическим результатом реформ, так как «две России» различаются не только уровнем материальной обеспеченности, но у них появляются разные системы ценностей и приоритетов, разные предпочтения и

25. Абалкин А. Проблемы современной России. М: ИЭ РАН, 2011. С. 61.

потребительский спрос. Для них характерны разные мотивации и стереотипы общественного поведения.

Все это хорошо видно на процессах внутрикорпоративного неравенства. Например, доходы топ-менеджеров и средняя заработная плата в типичной корпорации во Франции отличаются в 5–6 раз, в Японии – в 8–9 раз, в США – в 20–25 раз. По некоторым данным, в США (2004 г.) разница между вознаграждением генеральных директоров корпораций и средней заработной платы рабочего составила 392 раза. «Мы видим, – пишет американский исследователь этого вопроса Д. Богл, – как вознаграждения генеральных директоров за успешную работу стали достигать до 92, 125, 151, и даже – хотите верьте, хотите нет, – 872 млн долл. На одного человека в год!»²⁶ Российские корпорации, конечно, отстают от американских, но ненамного. На российских предприятиях дифференциация доходов также может достигать сотен раз. Например, исследование более 20 крупных холдинговых компаний разных отраслей экономики показало, что в 2003 г. в их центральных управляющих компаниях наемные управленцы первого уровня в среднем зарабатывали 1 029 000\$ в год (включая оклады и бонусы), а менеджеры второго уровня – 297 000\$. В тот же период средняя заработная плата по промышленности составляла 6 626,5 руб. в месяц, или примерно 2 840\$ в год. Если предположить, что в исследованных компаниях заработки соответствуют этой общероссийской величине, то можно заключить, что доходы топ-менеджеров первого и второго уровней и средняя оплата труда различались примерно в 360 и 104 раза соответственно²⁷.

Чрезмерное социально-экономическое неравенство раскалывает страну на несколько частей, которые перестают понимать друг друга. Особенно это опасно тем, что в страну богатых и очень богатых, а также высоко обеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет и выживает большинство населения, как живет страна бедняков, доходы и потре-

26. Богл Д.К. Битва за душу капитализма. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 61, 71.

27. См. подробнее: Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России // Вестник РГНФ. 2012. №3(68). С. 43–51; Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Неравенство распределения корпоративных доходов: российская специфика, механизмы регулирования // Экономика и предпринимательство. 2013. №12–4 (41–4). С. 298–303.

ние которых не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

Пока эмпирически вывести зависимость неравенства и экономического роста очень трудно. Об этом, например, свидетельствуют примеры, взятые из российской практики. На рис. 2 отражена динамика ВВП (в процентах к предыдущему году) и коэффициента Джини, характеризующего степень социально-экономического расслоения населения в России за последние годы.

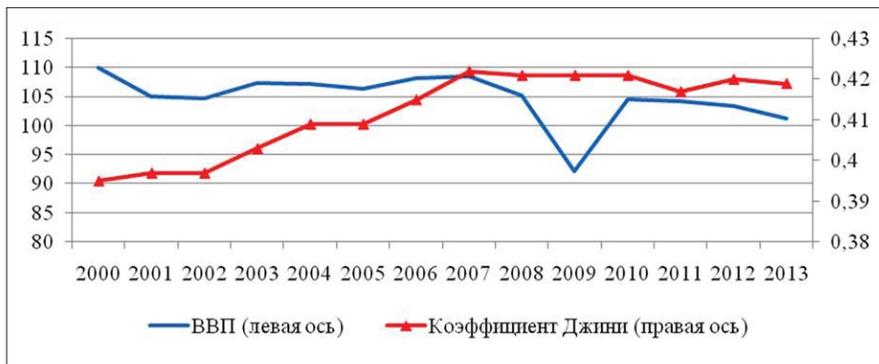

Рис. 2. Динамика темпов роста ВВП и коэффициента Джини

Источники: Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (Дата обновления 02.02.2015); Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#) – дата обновления 11.05.2016.

С 1999 г., как показывают данные официальной статистики, начался устойчивый экономический рост. В 2007 г. Россия достигла объема ВВП уровня докризисного 1989 г. За период 1999–2008 гг. ВВП вырос почти на 70%, объем промышленной продукции – на 60%, а сельскохозяйственной – увеличился на 48,7%. В условиях улучшения экономической ситуации можно было бы ожидать и сглаживания социально-экономического неравенства. Но действительность свидетельствует об обратном. На фоне начавшегося в 1999 г. экономического роста степень социального расслоения продолжала расти. За период 2000–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,395 до 0,412.

Таким образом, на протяжении всего периода более или менее устойчивого экономического роста (1999–2008 гг.) в России, несмотря на позитивную динамику доходов бюджета и растущие возможности проведения активной государственной политики, наблюдалась ярко выраженная тенденция роста социально-экономического неравенства. В период кризиса и существенного сокращения реального объема ВВП в 2007–2009 гг. в России также имел место рост неравенства. Именно в этот период коэффициент фондов по дифференциации доходов достиг своего наивысшего значения (16,7–16,6 раз). На рис. 2 хорошо видно, что за последние 15 лет в России кривая экономического роста полностью не соответствует кривой неравенства.

Если же сравнивать динамику коэффициента Джини с динамикой абсолютных величин экономического роста в ценах базового периода (в нашем случае это 2008 г.), то отчетливо прослеживается соответствие роста неравенства и ВВП (рис. 3).

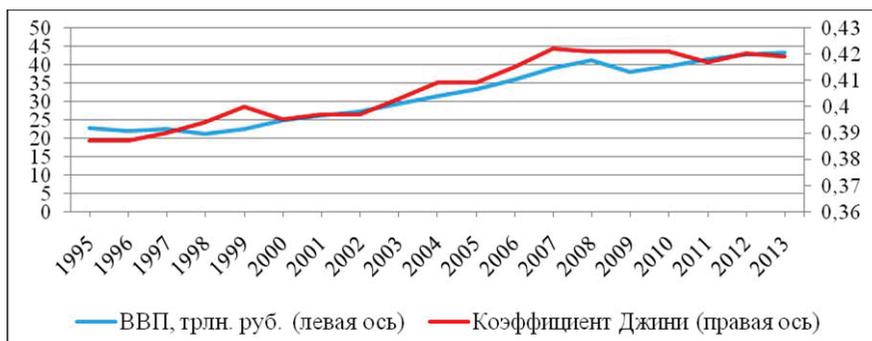

Рис. 3. Динамика ВВП (в постоянных ценах 2008 г., трлн руб.) и коэффициента Джини

Источник: ВВП в постоянных ценах 2008 г. (1995–2014 гг.). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (Дата последнего размещения данных — 02.04.2015 г.); Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#) — дата обновления 11.05.2016.

На графике видно, что кривая Джини в принципе следует за кривой ВВП за исключением провала 2009 г. Этот график существенно отличается от рис. 2, где динамика ВВП показывалась не в

абсолютных величинах, в темпах роста. Действительно, за последние 10–12 лет темпы экономического роста заметно снизились, но абсолютный рост ВВП все же был, что хорошо видно на рис. 3. И если в сравнении с динамикой ВВП, показанной в темпах роста, кривая коэффициента Джини не совпадает, то другая картина получается, если брать рост ВВП в абсолютном исчислении. Объяснить такое соответствие можно тем, что все плоды экономического роста достаются богатым и сверхбогатым группам населения. Еще лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, рассуждая о резком росте в последние десятилетия экономического неравенства в США, отметил, что «увеличение ВВП выгодно только верхушке»²⁸. И Россия этот вывод полностью подтверждает.

Иная динамика соотношения экономического роста и неравенства складывается в некоторых других странах бывшего СССР²⁹. Для сравнительного рассмотрения возьмем, кроме России, еще 5 стран, типичных для внешнеэкономического окружения России (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ВВП и степени неравенства

Страна	Темп роста ВВП			Коэффициент Джини		
	2001 г.	2013 г.	2013 г. к 2001 г. (в %)	базисный год ¹⁾	2013 г.	2013 г. к базисному г. (в %)
Беларусь	104,7	100,9	96,4	0,278	0,283	101,8
Казахстан	113,5	106,0	93,4	0,348	0,276	79,3
Латвия	108,0	104,0	96,3	0,377	0,360 ²⁾	99,5
Республика Молдова	106,1	108,9	102,6	0,379	0,314	82,8
Россия	105,1	101,3	96,4	0,396	0,419	105,8
Украина	109,2	100,0	91,6	0,340	0,250	73,5

¹⁾ Базисный год: Беларусь, Казахстан, Республика Молдова, Россия, Украина – 2001 г., Латвия – 2003 г.

²⁾ Данные по Латвии – за 2011 г.

Источник: Россия и страны мира. 2006. Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 78–79; 2014. С. 108; 2002. С. 104; 2008. С. 101; 2014. С. 108.

Из приведенных данных в таблице видно, что коэффициент Джини существенно увеличился только в России и немного

28. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. С. 19.

29. См. подробнее: Войсков М.И., Анисимова Г.В. Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика, 2015, №3. С. 26–46.

вырос в Белоруссии. Но надо иметь в виду, что в Белоруссии этот коэффициент был минимальным (0,278) и продолжает оставаться также достаточно низким (0,283), что соответствует параметрам социального государства Скандинавских стран. В остальных странах за исследуемый период (10–12 последних лет) экономическое неравенство снизилось. И во многом снизилось даже в большей мере, чем замедлился экономический рост (рис. 4, 5). Только Россия демонстрирует устойчивый рост экономического неравенства³⁰.

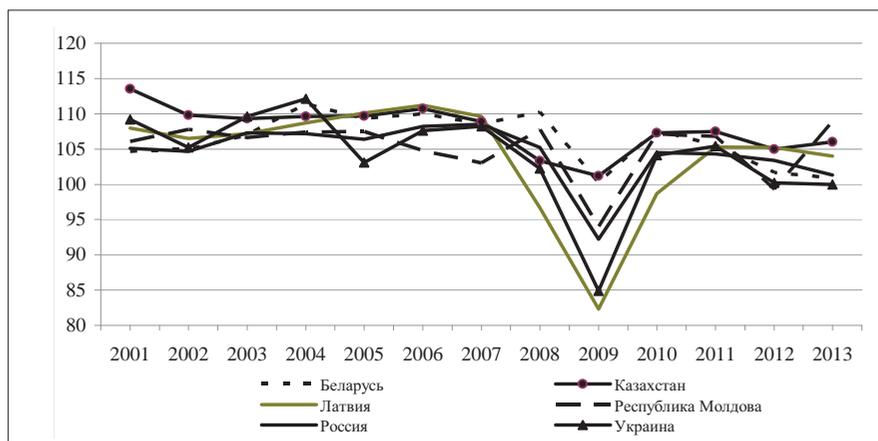

Рис.4. Динамика ВВП (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)³¹

Сопоставление экономического роста и роста неравенства в современной России означает, что плоды экономического успеха достаются у нас исключительно верхушке общества. И рост неравенства в кризисные годы при отсутствии, собственно, экономического роста означает, что расплачиваться за кризис пришлось в основном средним и низшим слоям населения. Это вызвано в первую очередь диспропорциями в оплате труда по видам экономической деятельности, регионам, типам предприятий, ослаблением системы трудовых стимулов, низкой эффективностью действующих механизмов регулирования подоходной дифференциации.

30. См. подробнее: Воейков М.И., Анисимова Г.В. Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика. 2015. № 3. С. 26–46.

31. Россия и страны мира. 2006.: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 78–79; 2014. С. 80–81.

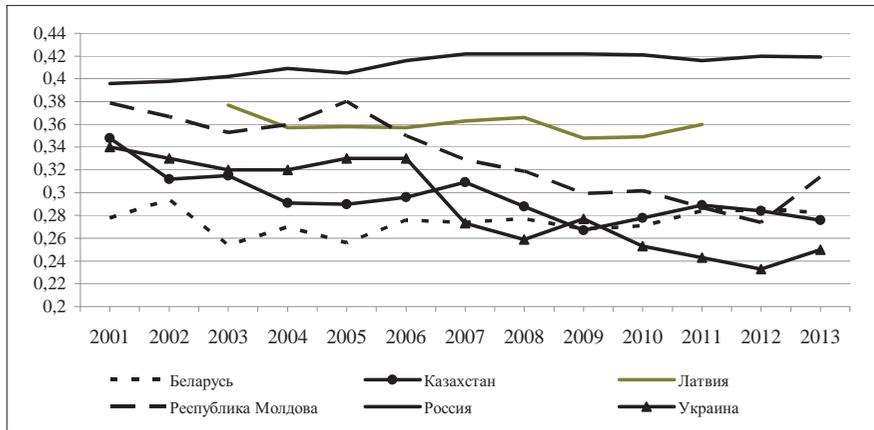

Рис. 5. Динамика коэффициента Джини³²

Экономическое неравенство характерно для всех срезов российской экономики, территорий и видов хозяйственной деятельности по уровню доходов, потребления и сбережений населения. Поэтому, отвечая на вопрос о степени соответствия экономического роста и неравенства, можно сказать, что в данном случае статистические данные показывают, что экономический рост порождает экономическое неравенство.

32. Россия и страны мира. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 104; 2004. С. 99; 2006. С. 105; 2008. С. 101; 2010. С. 109; 2012. С. 109; 2014. С. 108; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 440; 2005. С. 495; 2007. С. 483; 2009. С. 482–483; 2011. С. 503–504; 2013. С. 301–302.

Неравенство, сбережения и инвестиции

Если рассматривать взаимосвязь экономического неравенства, инвестиций и сбережений, то, следуя логике либерального подхода, в России должен бы наблюдаться тренд их роста. Однако, как видно на рис. 6, устойчивая тенденция роста характерна только для коэффициента Джини. Рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения и инвестиций. Особенно настораживают тенденции сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Неслучайно столь велика степень износа основных фондов (2005 г. – 45,3%, 2014 г. – 49,4%), которая неуклонно возрастает³³.

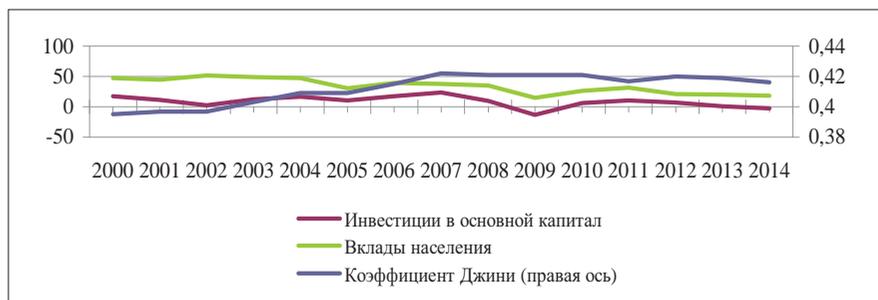

Рис. 6. Динамика инвестиций, сбережений и неравенства

Источники: Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#); Структура использования денежных доходов (динамика) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

В России наблюдается высокий уровень неравенства и по возможности формирования запаса денежных средств (табл. 2).

Как видим, коэффициент дифференциации прироста сбережений (коэффициент фондов) даже существенно (в 2011 г. – 1,6 раза, а в 2014 г. уже более чем в 2 раза) превышает уровень диф-

33. Россия в цифрах. М.: Росстат. 2015. С. 68.

ференциации населения по доходам. Сбережения в существенном размере оказываются только у высокодоходной группы населения. При этом интересно, что инвестиции в экономику (в основной капитал) остаются минимальными. Даже в самом благополучном по данному показателю 2007 г. инвестиции составили примерно 20% к ВВП, а в последнем году советского периода (1990 г.) этот показатель составил примерно 38%.

Таблица 2. Динамика прироста сбережений

Показатель	Прирост сбережений	
	2011	2014
Все домашние хозяйства, %	100	100
в том числе по 20-процентным группам обследуемого населения:		
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	3,5	2,9
вторая	7,3	6,1
третья	12,8	10,8
четвертая	22,6	24,8
пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	53,8	55,4
Коэффициент фондов по приросту сбережений, раз	27	33
Коэффициент фондов по доходам	16,2	16

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат. 2012. С. 152; Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат. 2015. С. 188.

Необоснованное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения. При проведении экономических реформ в России не учитывается позитивный зарубежный опыт использования сбережений населения. Именно сбережения населения во многих промышленно развитых странах являются одним из основных источников финансирования долгосрочных инвестиций. В России лишь малая часть населения обладает крупными неиспользуемыми сбережениями. Основная же его часть зачастую не только не имеет сбережений, но и вынуждена себе во многом отказывать. Как показывают данные официальной статистики, на долю 20% наиболее обеспеченных граждан приходится почти 50% денежных доходов, а на долю 20% наименее обеспеченных – практически в 10 раз меньше. Это порождает фрагментацию социальной структу-

ры общества на множество все более автономных и изолированных друг от друга слоев и групп, подрыв общественной солидарности, а в конечном счете — выдавливание отдельных категорий населения из социальной жизни.

Неравенство доходов в значительной степени детерминирует объем и структуру потребительского спроса. Чем выше неравенство, тем ниже совокупный потребительский спрос при одних и тех же доходах населения. Это объясняется тем, что, чем выше неравенство, тем большая доля населения вынуждена снижать свои расходы по отношению к своим потребностям, и тем больше часть населения, которая, достигнув определенного уровня насыщения потребления, переключает свои денежные ресурсы отчасти на потребление эксклюзивных товаров и услуг, а в основном — на сбережения. Такой механизм сильнее всего действует на совокупный спрос на отечественные товары, резко снижая его. На этом фоне следует отметить сохранение спроса на продукцию российского сельского хозяйства и пищевой промышленности. Сохранение спроса на эту продукцию, с одной стороны, обусловлено тем, что расходы населения на продукты питания дифференцированы значительно меньше, чем расходы на непродовольственные товары, с другой — нередко низким качеством импортируемой сельскохозяйственной продукции. В условиях политики импортозамещения на продукты питания увеличение потребительского спроса в этом сегменте внутреннего рынка может повлиять в определенной мере на увеличение экономического роста.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве не способен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения России получают слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно.

По оценкам специалистов, уровень бедности населения за весь период реформ, как минимум, превышает 20%. Как показывают данные официальной статистики за 2013–2015 гг., численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума увеличилась. Если в 2013 г. в России насчитывалось 15,5 млн

человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в 2015 г. их число составило около 20 млн. Причем бедными стали большие слои именно работающих. Иными словами, трудящийся класс сегодня не имеет нормальной, достойной этого названия зарплаты. Вот эти «новые бедные» или «работающие бедняки» есть свидетельство нежизнеспособности общества, невозможности воспроизводства трудового потенциала. Имеются расчеты, согласно которым численность малообеспеченных работников сегодня в стране превышает треть занятых. Тогда как зарплата начинает выполнять свою гарантийную функцию воспроизводства рабочей силы, если численность малообеспеченных работников не превышает 7%. В 1989 г. зарплату меньше прожиточного минимума получали 8% рабочих и служащих, и мы имели рождаемость 14,6 на 1000 человек³⁴, а смертность – 10,7³⁵ (наблюдался естественный прирост населения). С 1992 г. смертность стала превышать рождаемость, и Россия вступила в полосу сокращения численности населения. Этот процесс остановился лишь в 2013 г. Сегодня естественный прирост населения фактически нулевой (составляет всего 0,3 на 1000 человек).

Неравенство материального положения влечет за собой *неравенство жизненного уровня и состояния здоровья*, дискриминацию при получении образования и медицинского обслуживания. Известно, что состояние здоровья во многом зависит от возможности качественного питания, т.е., прежде всего – от уровня доходов. Эту зависимость подтверждают и результаты обследования, проведенного при участии Минздравоохранения России, Росспорта, Института социальных исследований в 24 субъектах Российской Федерации (табл. 3). Люди с высокими доходами не испытывают и проблем с высококачественным медицинским обслуживанием, с покупкой любых лекарств, с расходами на отдых.

34. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006.

35. Рождаемость, смертность и естественный прирост (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#).

Таблица 3. Заболеваемость в группах с разным уровнем доходов (%)

Заболевания	Уровень доходов			Всего
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». М.: Росстат, 2009. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm (дата обращения: 5.04.2016).

Как свидетельствуют данные в группе респондентов с низким уровнем доходов, практически каждый второй опрошенный указал на наличие болезней опорно-двигательного аппарата и системы кровообращения, а в среднем 8–9 респондентов из каждых десяти опрошенных страдают двумя заболеваниями. Данные опроса дают веские основания для вывода о том, что главным источником стрессов является социальная неустроенность. Например, в группе респондентов, имеющих низкие доходы, в полтора–два раза чаще, чем в высокодоходной группе, проявляется состояние острой психологической тревоги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества, беспокойство, вызванное возможностью потери работы. Такое нервное состояние, сохраняющееся в течение многих лет, обуславливает широкое распространение аномии общества. Она выражается в противоречивости сознания и поведения многих людей, в том числе в отношении к своему здоровью как ценности и главному фактору, определяющему полноценность жизни. Чрезмерное социально-экономическое расслоение населения, вызывая стрессы и депрессии, приводит к ухудшению здоровья, повышая уровень смертности у низкодоходных групп населения.

Очевидно, что проблема неравенства давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе пред-

ставления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие.

Экономическое неравенство воспроизводится в правовом неравенстве, которое, в свою очередь, влияет на экономические и социальные отношения. Рост неравенства усиливает властные позиции немногих и создает барьеры для большинства, т.е. противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций. Как показывают международные исследования, существует связь между неравенством и коррупцией, аналогичные связи наблюдаются и между неравенством и преступностью. Коррупция гораздо выше в неравном обществе, чем при более равномерно распределенных ресурсах³⁶. Неравное распределение доходов и богатства создает возможность для лиц с высокими доходами вмешиваться в политические процессы и демократическое управление. В частности, значительная концентрация богатства и доходов предоставляет богатым людям ресурсы, достаточные для дачи взятки высокопоставленным чиновникам и политикам. Неравенство увеличивает вероятность воздействия богатых домохозяйств на распределение государственных денег, лоббирования своих интересов.

Исследования последствий воздействия неравенства на экономический рост показали, что показатели социального здоровья хуже в странах, где больше неравенство в доходах. В этих странах значительно ниже государственные и индивидуальные расходы на образование, ниже его уровень, больше процент людей, получающих пособия или талоны на продукты и не имеющих медицинской страховки, выше процент безработных и заключенных³⁷. Большая часть населения получает слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за этого их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно. В долгосрочной

36. Glaeser E., Scheinkmann, J., Shleifer, A. The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics, 2003. Vol. 50. No. 1. P. 199–222; You J., Khagram, S. A comparative study of inequality and corruption // American Socio-logical Review, 2005. Vol. 70. No. 1. P. 136–157.

37. Yates M. Naming the System: Inequality and Work in the Global Economy. New York: Monthly Review Press. 2003. P. 58–59.

перспективе снижение качества социального капитала ведет к деградации всей экономики, поскольку возрастает доля малообразованного населения, не способного ни производить, ни даже потреблять высокотехнологичные товары, что делает проблематичным инновационный путь развития экономики.

Для компенсации неравномерности распределения доходов необходимо проведение эффективной государственной социально-экономической политики. А эта политика будет эффективной только в том случае, если она способствует преодолению необоснованного неравенства, которое является избыточным с точки зрения общественных интересов. То есть оптимальная степень неравенства складывается под влиянием взаимодействия рыночных механизмов и социального регулирования государства.

Итак, социально-экономическое неравенство, отражая структуру доминирующих экономических интересов в обществе, одновременно является важнейшим фактором и результатом общественного развития. Различные аспекты неравенства в современном российском обществе необходимо рассматривать в комплексе, с учетом их противоречивого влияния на экономическое развитие. При этом, как уже отмечалось, речь не идет о полном равенстве, уравниловке. В обществе с неоднородным трудом, с разной производительностью труда и квалификацией занятых будет неправильно стремиться к равенству зарплат и доходов.

Экономическая политика

Экономическая политика государства должна быть направлена на распределение собственности и доходов в интересах большинства населения, т.е. в интересах социально-экономического развития всей страны. Рост ВВП сам по себе не решает ни одну из значимых социальных проблем. Гораздо существеннее, как распределяется национальный продукт, стимулирует ли он экономическое развитие и благосостояние большинства людей.

Изменение сложившегося положения зависит от многих объективных и субъективных факторов, но главное определяется политикой, проводимой властными структурами и бизнесом, и прежде всего системой институтов, образованных для проведения этой политики. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Искусственность формирования в Америке в середине XX столетия «относительно справедливого» общества и естественный характер его разрушения в последние десятилетия убедительно доказал проф. П. Кругман. Его исследования показывают, что «...институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы — гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономики»³⁸. По его мнению, ведущую роль здесь играли не перемены в экономике, а политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики.

Средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики ад-

38. Кругман П. Кредолиберала. М.: Европа. 2009. С. 14.

министрации Ф. Рузвельта. На протяжении первого срока президентства Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго – до 79%, а к середине 1950-х годов он достиг... 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1% американцев, упала за эти годы вдвое – с 21,5 до менее чем 10%³⁹. Следствием стало так называемое «великое сжатие»: сокращение разрыва в доходах, которое произошло в Соединенных Штатах за период с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников. Помимо повышения налогов на богатых граждан повсеместно начала вводиться практика социального страхования. Все это привело к тому, что в промежуток времени между 1920-ми и 1950-ми годами Америка была страной победившего среднего класса.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, т.к. опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. С другой стороны, чрезмерно *высокое* неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства – это страны низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

39. Там же. С. 53–54.

В этом отношении можно вспомнить позицию А. Маршалла. С одной стороны, писал он, «равное распределение национального дохода» приведет лишь к разорению многих предпринимателей. К тому же в этом случае доходы народных масс «близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказуемому социалистическими ожиданиями «Золотого века». Однако, с другой стороны, нет никакой необходимости и потому морального оправдания для существования крайней нищеты бок о бок с огромным богатством. Неравномерность богатства... – серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и силы характера, было бы, по-видимому, явным общественным достижением»⁴⁰.

В экономически развитых странах уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на смягчение экономического неравенства между различными доходными группами населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов (табл. 3).

Таблица 3. Воздействие социального регулирования на уровень неравенства в экономически развитых странах

Страна	Середина 1970-х гг.	Середина 1980-х гг.	Начало 1990 гг.	Середина 1990-х гг.	Начало 2000 гг.	Середина 2000-х гг.	Конец 2000-х гг.
Коэффициент Джини до уплаты налогов и трансфертов							
США	0,406	0,436	0,450	0,477	0,476	0,486	0,486
Швеция	0,389	0,404	0,408	0,438	0,446	0,432	0,426
Канада	0,385	0,395	0,403	0,430	0,440	0,436	0,441
Великобритания	0,338	0,419	0,439	0,453	0,458	0,445	0,456
Нидерланды	0,426	0,473	0,474	0,484	0,424	0,426	0,426
Коэффициент Джини после уплаты и трансфертов							
США	0,316	0,337	0,348	0,361	0,357	0,380	0,378
Швеция	0,212	0,198	0,209	0,211	0,243	0,234	0,259
Канада	0,304	0,293	0,287	0,289	0,318	0,317	0,324
Великобритания	0,268	0,309	0,354	0,336	0,351	0,331	0,345
Нидерланды	0,263	0,272	0,292	0,297	0,292	0,284	0,294

Источник: составлено авторами по: Income Distribution and Poverty: by country - Inequality - OECD Stat. URL: // <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66670> (дата обращения: 16.04. 2016).

40. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. III. М.: Прогресс. 1993. С. 132–133.

В большинстве стран в качестве механизма экономической политики, смягчающего дифференциацию личных доходов, применяются следующие средства:

- необлагаемый вычет из среднегодового заработка работающего (который соотносится с принятым минимальным уровнем заработной платы или с прожиточным минимумом);
- пропорциональное налогообложение с минимальной ставкой (10–30%), а в случае прогрессивного налогообложения – с максимальной ставкой налога (40–50% и более);
- прямые выплаты социально уязвимым слоям населения.

Основной путь экономической политики корректировки распределительных механизмов – это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». Необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%. Применение единого налога, по сути, представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

В отличие от России в большинстве стран действуют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц, а в ряде из них с минимальных доходов налоги не берутся (Швеция). В Бразилии и Индии минимальный налог ниже, чем в России (7,5–10%). В то же время наиболее состоятельные граждане платят высокие налоги. Особенно это касается Швеции (57%), Германии (45%) и США (35%)⁴¹.

Когда высокие заработки облагаются прогрессивным налогом и налоговые поступления используются не для прямых трансфертов бедным, а для повышения низких зарплат, то при избыточном экономическом неравенстве государство может, используя такую политику, повысить общую продуктивность экономики.

Для разработки эффективной социальной политики необходимо использовать современный зарубежный опыт, а также отечественные научные теоретические и практические разработки,

41. Tax Rates Around the World 2016: [сайт]. URL: <http://www.worldwide-tax.com/> (дата обращения: 10.08.2016).

учитывающие российские реалии, в том числе определение оптимального уровня неравенства. Необходимо соблюдение баланса, т.к. опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, экономическом развитии. С другой стороны, чрезмерно *высокое* неравенство ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности.

Большинство российских экономистов согласны в том, что, несмотря на определенный рост экономики после 2000 г., Россия еще не преодолела последствия тяжелейшего экономического кризиса 1990-х годов, а кризисная ситуация 2014 г. серьезно ухудшила положение (см. цикл статей по данному вопросу⁴²). Проправительственные экономисты продолжают праволиберальную стратегию, где экономическая роль государства сводится к минимуму и рыночное самодействие почти ничем и никем не ограничивается. Экономическое развитие в этом случае осуществляется само собой на базе безграничного господства частной собственности. Собственно, именно эта стратегия и осуществлялась все последние 25 лет, заводя страну все глубже в тупик безысходности. Но есть другая экономическая политика, которая предполагает существенное усиление роли государства в экономике, признавая при этом и рыночное самодействие в тех или иных пределах. В этой стратегии предусматривается резкое сокращение экономического неравенства, что должно обеспечить устойчивое экономическое развитие страны. Итак, правительство должно не мониторить, а управлять экономикой. В ином случае — зачем нам такое правительство с миллионными окладами чиновников?

Чтобы ответить на вопрос, что же делать, надо прежде всего ответить на вопрос, что мы хотим. Хотим ли мы свободную рыночную (почти ничем не стесняемую) экономику как придаток

42. Бузгалин А., Колганов А. Российская экономическая система: некоторые итоги реформ // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8; Гринберг Р. Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11; Лившиц В., Швецов А. Мифотворчество в российском реформировании // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 5.

мирового рынка? Тогда ответ ясен — первая стратегия, которая осуществлялась и осуществляется все эти годы. Но, как показали прошедшие десятилетия, она не дает ни модернизации, ни экономического развития. И в этом случае большинство населения страны оказывается на грани или даже за чертой бедности и лишь очень незначительная часть населения процветает. Это означает, что стратегия рыночного либерализма вполне устраивает 10% населения и совершенно не устраивает остальные 90%. Встать на сторону большинства населения при выборе экономического курса или на сторону меньшинства — это и есть политика, есть политический выбор. С этой точки зрения и предлагается подходить к решению вопроса о выборе экономической политики в целях экономического развития.

В мировой экономике накоплен определенный опыт именно такой экономической политики. Речь идет о социальном рыночном хозяйстве или социальном государстве, опыт которого характерен прежде всего для стран Северной Европы. Эти страны характеризуются сравнительно невысоким экономическим неравенством и устойчивым экономическим ростом.

Есть серьезный теоретический вопрос, который научное сообщество пока еще не решило и даже пытается как-то обойти. А это очень сложный вопрос, как совместить либеральную рыночную модель и социальное государство и можно ли их совмещать вообще. Как ни странно, но вполне можно утверждать, что социальная политика начинается с активизацией промышленной политики. Решение отдельных социальных вопросов не решит проблем развития экономики страны, не предоставит всем людям нормальную работу с нормальной зарплатой. Чтобы удовлетворить потребности людей, чтобы дать им зарплату, надо прежде всего дать им работу. То есть практическое решение социальных проблем, формирования социальной политики лежит в промышленной политике⁴³.

Говоря о создании социального государства, нельзя обойти вниманием современные процессы капитализации страны, которые характеризуются существенным ростом социальной поляризации общества. Говорить только о рабочем классе в традиционном его по-

43. См. подробнее: *Воейков М.* Экономическая система и экономическая политика модернизации // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 12.

нимании сегодня уже мало. Надо брать весь трудящийся класс, значительная часть которого составляет так называемый средний класс. Пока это разрозненные отряды наемных трудящихся, лишенных общей солидарности, общих политических интересов. Средний класс в постсоветской России демонстрирует отчетливую тенденцию к стабилизации своей числовой величины, которая, по некоторым оценкам, достигает 30% от всех занятых в народном хозяйстве. Даже в годы последнего экономического кризиса (2008–2009 гг.), когда ВВП страны снизился на несколько процентных пунктов, динамика среднего класса, хотя и несколько снизилась, но в целом оставалась положительной⁴⁴. Эта динамика в определенной степени коррелируется с кривой роста покупательной способности населения и кривой приобретения недвижимости, которые в кризисные годы несколько просели, но затем продолжали расти, хотя и меньшим темпом (рис. 7). При этом кривая неравенства (коэффициент Джини), несколько снизившаяся, все-таки сохраняла большие значения.

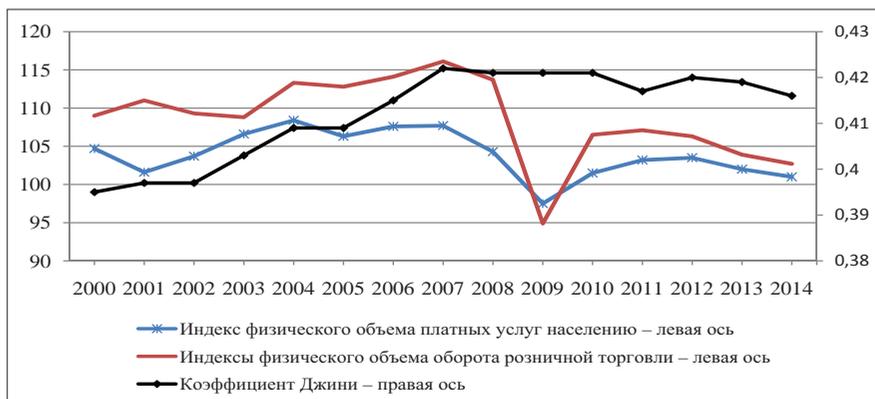

Рис. 7. Динамика темпов роста розничного товарооборота, платных услуг населению и коэффициента Джини

Источники: Распределение общего денежного дохода и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 21.08.2016); Торговля и услуги // Приложение к ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2014 гг.». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13_p/Main.htm (дата обращения: 20.08.2016).

44. См.: Воейков М. Средний класс в динамике постсоветских трансформаций // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.

Именно средний класс или средние слои общества выступают наиболее активным актором на внутреннем рынке, именно от численности и экономического поведения среднего класса зависит потребительский спрос. Увеличение неравенства говорит о сжатии среднего класса, о сокращении потребительского спроса, что в конечном счете сказывается и на снижении темпов экономического роста.

Пределы неравенства доходов и перераспределительная политика

Обоснование пределов неравенства доходов и экономических благ является одной из наиболее сложных и социально конфликтных проблем экономической науки. Согласно нашему предположению уровень неравенства в доходах (зарплатах) должен соответствовать степени неоднородности труда, измеряемой его производительностью (продуктивностью) по различным видам деятельности и квалификациям. Минимальное неравенство, которое может оказаться существенно ниже уровня неоднородности труда, ведет к искусственной уравниловке, снижению трудовой мотивации, замедлению экономического роста. Чрезмерное неравенство, формируемое под влиянием негативных факторов дифференциации (финансовые спекуляции вместо инвестиций, провалы в социальной политике, безработица, инфляция и др.), может существенно превышать степень неоднородности труда. Факторы, определяющие оптимальный уровень неравенства, связаны с профессионально-квалификационными характеристиками труда (сложность, качество, условия, интенсивность труда). Оптимальный уровень неравенства стимулирует экономический рост, в то время как чрезмерное неравенство тормозит общественный прогресс, а при определенных условиях, достигая критического значения, создает угрозу стабильности общества.

Таким образом, для определения нормального соответствия экономического неравенства и экономического роста необходимо применение комплексного политэкономического подхода в сочетании с конкретным экономико-статистическим и социологическим анализом, учитывающим различия в источниках доходах населения, институциональные особенности конкретных стран, уровень их экономического развития. Важно так же включение в анализ институциональных факторов, которые опосредуют взаимосвязь между экономическим ростом и распределением дохода и существенно влияют на характер и силу связи. Уровень неравенства

в доходах (прежде всего в зарплатах) должен соответствовать степени неоднородности труда, измеряемой его производительностью по различным видам деятельности и квалификациям.

Все это вызывает необходимость теоретического обсуждения сравнительных достоинств моделей либерального и социального государства. В центре этого сопоставления находится проблема экономической эффективности. Известно, что либеральные теоретики постоянно утверждают, что либеральная экономика всегда и везде более эффективна, чем, например, социальное государство. Все это верно, но не все так просто. По степени экономической эффективности сравнивать либеральную и социальную модели экономики нет смысла. С точки зрения математически чистой экономической эффективности либеральная рыночная экономика всегда и везде будет выше. Ибо с точки зрения рыночной эффективности старшие возрасты населения не нужны. Они обуза для государства. Но вопрос можно поставить и шире. Если брать не только экономическую эффективность, но и более широко — экономическое развитие — то либеральная модель не дает однозначного положительного ответа. Уже приводились примеры того, что углубление экономического неравенства, характерное для либеральной модели, не воздействует на ускорение экономического роста. Эмпирически эта зависимость не подтверждается. Следует выбирать что-то одно. Или социальное государство, что соответствует Конституции РФ, и проводить соответствующую политику, или либеральное государство и господство рыночной экономики и идеологии, что увеличивает экономическое неравенство.

Исследование взаимосвязи уровня неравенства и социально-экономических показателей в российском обществе выявило отсутствие устойчивой корреляционной связи между их динамикой. В 2011–2013 гг. Россия вошла в полосу усиления чрезмерного неравенства, что является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост. Необоснованно высокая дифференциация доходов (оплаты труда) не соответствует степени продуктивности и профессионально-квалификационным характеристикам трудовой деятельности. Действующие механизмы регулирования уровня экономического неравенства показали свою неэффективность. Среди путей и мер оптимизации механизмов регулирования

уровня экономического неравенства следует выделить как приоритетное направление достижение соответствия дифференциации доходов и зарплат степени неоднородности труда.

Сегодня Россия объективно должна проходить трансформационную волну, которую прошли почти все европейские страны в 1960–1970-е годы. В тот период эти страны овладевали достижениями научно-технической революции, новым технологическим способом производства, формированием новой социальной структуры общества. СССР по ряду причин отстал от западных стран. Скажем, по социальной структуре он даже обогнал многие страны и уже в 1950-е годы имел структуру (минимизация и сглаживание классовых различий, их перерастание в различие страт), которая характерна для современного состояния западных стран. Но в технологическом и производственном отношении он резко отставал от Запада. Поэтому трансформация была объективно необходимой.

Однако историческая форма ее оказалась неожиданной и мало удобной. Поэтому ныне происходят резкие и кратковременные изменения политической формы, которые практически не затрагивают экономической основы общества. С начала 1990-х гг. шоковая терапия повела экономику страны к разрушению. С 1999 г. был взят иной курс экономического развития, удалось остановить падение производства, начался рост экономики. В 2005 г. либерал-реформаторы сделали следующий шаг: объявили о социальных реформах. Согласно либеральной рыночной концепции такие сферы, как образование, здравоохранение, жилье (ЖКХ), должны подвергнуться рыночным преобразованиям и превратиться в обычные товары. Вместо того чтобы учить, образовывать молодежь, нужно продавать образовательные услуги на рынке, вместо лечения населения нужно продавать медицинские услуги и т.д. Те люди, которые не могут оплатить услуги образования, здравоохранения, жилья, пусть идут в церковь и жалуются сколько угодно. Это логичная и последовательная линия превращения современного общества в рыночное время Адама Смита.

Однако XXI в. не XVIII. Либеральные реформаторы забыли или не успели сообразить, что развитие рыночной экономики, развитие капитализма ведет к развитию классовой противоположности, к классовой борьбе. В результате этой борьбы в европейских

странах все социальные сферы, которые наши либерал-реформаторы собираются маркетизировать «до конца», давно уже выведены из-под рыночного регулирования. Социальная проблема в развитых странах Запада уже в XX в. решалась в сторону более пропорционального распределения общественного продукта, создания социального государства, о чем очень убедительно свидетельствует опыт стран Северной Европы.

Либерал-реформаторы, проводя так называемые социальные реформы, загнали себя в ловушку. Их риторика соответствует требованиям социального государства современного века, но их дела возвращают страну на два века назад. Слова не совпадают с делами. В современной научной литературе справедливо отмечается, «что сегодня нет прочных предпосылок — экономических, политических, идеологических — для того чтобы максимально сконцентрировать общественные усилия и перейти на путь рационального развития, исключающего углубление социальных противоречий и острые социальные конфликты»⁴⁵. Таким образом, надо выбирать что-то одно: или углублять рыночные преобразования и, следовательно, усиливать социально-классовое расслоение общества, или создавать социальное государство с жесткими ограничениями рыночного саморегулирования.

45. Миккульский К. Неадекватность социальной модели российского общества требованиям его позитивного развития // Общество и экономика, 2014. № 11. С. 5.

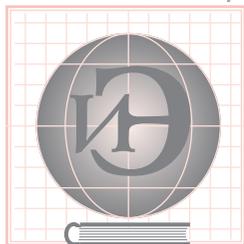
Литература

- Абалкин Л.* Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011.
- Анисимова Г.В.* Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // TERRA ECONOMICUS». 2016. Т. 14. №1. С. 61-77.
- Анисимова Г.В.* Неравенства в российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы. 2014. №1. С. 48-63.
- Богд Д.К.* Битва за душу капитализма. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
- Бузгалин А., Колганов А.* Российская экономическая система: некоторые итоги реформ // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8. С. 8–19.
- Воейков М.* Экономическая система и экономическая политика модернизации // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 12. С. 8–19.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика, 2015. №3. С. 26–46.
- Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.* Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России // Вестник РГНФ. 2012. № 3(68). С. 43–51.
- Гринберг Р.* Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 13–24.
- Дитон А.* Через тьму к светлому будущему // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. Под ред. И. Паласиоса-Уэрты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- Дорлинг Д.* Равенство. М.: Книжный Клуб Книговек. 2014.
- Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа. 2009.
- Лившиц В., Швецов А.* Мифотворчество в российском реформировании // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 5. С. 6–15.

- Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. III. М.: Прогресс, 1993.
- Маршалл Т.Х.* Избранные очерки по социологии. Сб. переводов. М.: ИНИОН, 2006.
- Мизес Л.* Либерализм. М.: ООО «Социум», ЗАО «Изд-во Экономика», 2001.
- Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
- Микульский К.* Неадекватность социальной модели российского общества требованиям его позитивного развития // Общество и экономика, 2014, № 11. С. 5–8.
- Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Рабкина Н.Е.* Избранные труды по макроэкономике. М.: ООО «Эребус», 2000.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969.
- Соболев Э.Н.* Социально-трудовые отношения в России: история, современное состояние, перспективы. М.: ИЭ РАН, 2008.
- Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.* Неравенство распределения корпоративных доходов: российская специфика, механизмы регулирования // Экономика и предпринимательство. 2013. №12–4 (41–4). С. 298–303.
- Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.* О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // Человек и труд. 2010. № 1. С. 32–36.
- Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.
- Токсанбаева М.С.* Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006.
- Шевяков А., Кирута А.* Измерение экономического неравенства. М.: Лето. 2002.
- Adams R.H.* Economic Growth, Inequality and Poverty: Finding from a New Data Set. Washington, DC: The World Bank Policy Research Working Paper. 2003. No. 2972. February.
- Abluwalia M.* Inequality, poverty and development // Journal of Development Economics, 1976. Vol.3 (4). P. 307–342.

- Bigsten A., Levin J.* Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review. Helsinki: World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). 2001.
- Bohman J.* Public Deliberation: Pluralism, Complexity and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press. 1996.
- Deininger K., Square L.* A New Data Set Measuring Income Inequality. The World Bank Economic Review, 1996. Vol. 10. No 3. P. 565–591.
- Glaeser E., Scheinkmann, J., Shleifer, A.* The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics, 2003. Vol. 50. No. 1. P. 199–222.
- Kuznets S.* Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press. 1966.
- Kuznets S.* Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. New York: National Bureau of Economic Research. 1953.
- Kuznets S.* Economic growth and Income inequality // The American Economic Review, 1955. Vol. XLV. No 1. P. 1–28.
- Milanovic B.* Determinants of Cross-Country Income Inequality. An «Augmented» Kuznets Hypothesis. Washington, DC: The World Bank Policy Research Working Paper. 1994. No. 1246. January.
- Williamson J.G., Lindert P.H.* American Inequality: A Macroeconomic History. New York: Academic Press. 1980.
- Yates M.* Naming the System: Inequality and Work in the Global Economy. New York: Monthly Review Press. 2003.
- You J., Kbagram, S. ()*. A comparative study of inequality and corruption // American Sociological Review, 2005. Vol. 70. No. 1. P. 136–157.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Анисимова Г.В., Воейков М.И.

Политическая экономия равенства и неравенства

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 01. 12. 2016. Заказ № 39

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0580-4

9 785994 005804